

сокращению, упрощению, формальной унификации и другим спутникам вырождения заговорно-заклинательной традиции. Прежде всего, в поисках сравнительного материала нужно обращаться к старым записям заговоров, которые происходят с территории Обонежья.

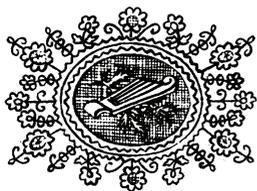
Литература

Винокурова 2006 – Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск, 2006.

Ефименко 1878 – Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской области. М., 1878. Ч. 2 (Тр. Этногр. отд. Импер. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те; Т. 30; кн. 5; вып. 2).

КФНЭ 1994/2 – Карело-финский народный эпос / Сост., вступ. ст., пер., прим. В. Я. Евсеева. М., 1994.

Топорков 2007 – Топорков А. Л. История и современное состояние заговоров Прионежья (обзор источников) // Рябининские чтения-2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 394–396.

Н. Е. Мазалова
Санкт-Петербург

Эмоции героев карело-финских рун и русских былин

В настоящее время этнология обратилась к рассмотрению ментальности человека в определенные эпохи, его эмоций, их связи с традиционной культурой. Антропологический подход к изучению эмоций предполагает исследование эмоций как явления культуры; а также взаимодействие эмоций с социальным миром (изучение эмоций как конструкций, связывающих личность и окружающую социальную среду). Задача исследователей заключается в том, чтобы увидеть взаимодействие и сущностное единство социального, ментального, эмоционального.

Герои карело-финских рун и русских былин чрезвычайно эмоциональны. Они радуются, плачут, гnevаются. Вместе с тем в эмоциях героев рун и былин прослеживаются различия, обусловленные жанровыми (руны – архаический героический эпос, былины – героический) и этнокультурными особенностями. В былинах и в рунах эмоции героев в соответствии с законами фольклорных жанров выполняют мотивообразующие функции. Они выступают в качестве мотивировок поступков героев, они также являются оценкой происходящего и служат одним из средств характеристики фольклорных образов. Кроме того, мотивы зависят от «архаичности» определенных мотивов.

Как известно, «Калевала» – полистадиальный памятник, однако доминирует в нем архаический пласт. Вяйнямейнен – герой архаического эпоса, демиург. Одно из его деяний – создание музыкального инструмента кантеле из хребта щуки. Играя на кантеле, Вяйнямейнен «возбуждает» радость:

Кантеле берет он в руки,
Радость ближе придвигает,
И поет он, и играет,
Он наигрывает славно,
Радость радость возбуждает
Песня песнею звучит.

[Евсеев 1994: 78]

Веселье, радость музыки связаны с созиданием; Вяйнямейнен ударяет по струнам кантеле: «Вздрогнула земля с болотом, пали медные вершины, от игры веселье слышно, по земле шло эхо песен» [Евсеев 1994: 220]. Подобная картина взбудораженной музыкой земли сопоставима с актом первотворения.

В традиционном обществе существовало отношение к музыкальному тексту как к сакральному. Верили, что музыка и пение способны покорить хозяев стихий и обеспечить их благожелательное отношение. Радость и веселье музыки и пения опосредовали отношения с миром природы. Игру Вяйнямейнена слушают, веселясь, не только люди, но и животные, хозяева вод и леса: «Не пришлось мне (хозяйке воды. – *Н. М.*) раньше слышать, как играет Вяйнямейни, веселится рунопевец» [Евсеев 1994: 208]. «Не было того веселья, как тогда там веселились» [Евсеев 1994: 212]. Можно предположить, что «веселье» музыки и пения служит одним из средств введения Вяйнямейнена – шамана в экстатическое состоя-

ние, в котором он осуществляет контакт с потусторонним миром. Кроме того, в рунах иногда описывается, что игра Вайнямейнена на кантеле вызывает у него и у слушающих людей и духов природы слезы. По мнению Е. М. Мелетинского, «состояние экстаза Вайнямейнена выражается только в слезах» [Мелетинский 2004: 135]. На наш взгляд, состояние экстаза выражено именно переходами от смеха к слезам, их нерасчлененностью.

«Потешит» (веселит) своими песнями морского царя и герой русских былин Садко. Он играет на гусях на берегу озера Ильмень, послушать его приплывает морской царь:

А спотешил нас топерь да ты во озере...
Ай как всех развеселил у мня да на честном пиру.
[Гильфердинг 1983: 239]

Впоследствии водяной царь затребовал Садко к себе на дно моря и заставил играть на гусях:

Ай как начал играть Садке как во гусли во яровачаты,
А как начал плясать царь Морской топерь в синем море.
[Гильфердинг 1983: 248]

Исследователи (В. Я. Пропп, В. Я. Иванов, В. Н. Топоров) мотив игры на музыкальном инструменте связывают со свадебными испытаниями. Здесь веселье и радость музыки связаны с генеративными представлениями.

Вайнямейнен может также горько плакать. Так, он плачет после того, как его противник Лаппалайни убивает лошадь Вайнямейнена, и тот падает в море; герой носится по волнам; из яйца, снесенного на его колене птицей, образуется Вселенная. Затем его приносит к Похьеле и он «плачет и горюет, и словами причитает» [Евсеев 1994: 133]. Свой плач герой объясняет тем, что он попал в чужую страну Похьела, где находят смерть мужчины:

Потому я плачу,
Потому скорблю я,
Что я родину покинул,
В темную попал Похьелу,
Где мужчин едят в деревне,
Где в воде героев топят.
[Евсеев 1994: 139]

Плач в фольклорных произведениях – не только выражение эмоции горя, печали; он также является формой ритуального поведения, способом общения с обитателями загробного мира. Похьела ассоциируется с потусторонним миром. Прибытие жениха в Похьелу за исковой ценностью – невестой рассматривалось как его пребывание в царстве мертвых.

В рунах отмечается, что плач Вайнямейнена – особый плач, это плач мужчины, который отличается от плача женщин и детей. Хозяйка Похьелы слышит: «плачет там мужчина, плачет, как герой» [Евсеев 1994: 78], «Плач услышала мужчины, различила стон героя, это плач – не женский плач, это плач – не плач ребенка, это плачет Вайнямейнен» [Киуру 1985: 21]. Здесь плач является одним из проявлений жизни, обозначает переход от смерти к жизни. В некоторых рунах далее следует мотивы добывания жены: хозяйка Похьелы превращает Вайнямейнена в своего работника и мужа одной из девушек своего рода.

В былине герои, как правило, не плачут: это не соответствует нормам поведения богатыря-героя. Исключение представляет Садко, который «заплакал» перед отправлением в морское царство, готовясь умирать. Нередко плачут герои-мужчины другого жанра русского фольклора – волшебных сказок.

В образе Вайнямейнена, по словам Е. М. Мелетинского, доминирует не воинская героика и богатырская самонадеянность, а мудрость, магическая сила [Мелетинский 2004]. Это проявляется в описании боя Вайнямейнена и Еукахайнена. В центре этого повествования стоит описание доблести Вайнямейнена – мужественного человека, который заботится о собственных чести и достоинстве и весьма чувствителен к посягательствам на них, но вместе с тем здесь особый акцент делается на его миролюбии. Поединку предшествует словесная перепалка, Еукахайнен пытается присвоить деяния Вайнямейнена по созданию мира, Вайнямейнен отвечает, что это он распахал море и т. д. Некоторые руны рисуют Еукахайнена озлобленным и завидующим Вайнямейнену:

Ой ты, юный Еукахайни,
Ты чего такой сердитый,
Раньше не был ты озлобен,
Так давай соревноваться.

[Евсеев 1994: 140]

Этот эпизод, с одной стороны, напоминает распространенные у народов Севера легенды о состязаниях шаманов в магической силе, а с другой — сюжеты былин о состязании старших и младших богатырей, только в былинах герои меряются физической силой и побеждает младший богатырь, кроме того, зависть к младшему богатырю испытывает старший. В рунх победает «старый мудрый» Вайнямейнен.

Русские былины изобилуют описаниями богатырских поединков героев. Одна из важнейших эмоций, которую испытывают былинные богатыри русского героического эпоса, — гнев. Обычно он описан словосочетанием «разгорелось сердце богатырское». Богатыря охватывает чувство гнева перед битвой с врагами государства. Так, Илья Муромец гневается, когда он приезжает в город Бекетовец, в котором «погана литва» и «поганные татары» «одолели мужиков бекетовских», и он начинает битву:

Как разгорелось его сердце богатырское,
Как почал он бить поганых татаровой,
Конем-то топтать и копьём колоть,
Прибил-то он поганых в единый час,
Не оставил поганых и на семена.

[Рыбников 1990: 63]

Гнев — сложная эмоция; он ассоциируется с яростью, обидой, местью, разрушением, силой, злобой. Обычно гнев богатыря вызывают иноплеменники-враги или «ненормативное» по отношению к нему поведение, например, людей, стоящих ниже в социальном отношении. «Сердце богатырское» — это и гнев, и страсть к битве. Гнев эпических богатырей вызывает у них небывалый подъем физической силы и вводит в состояние, напоминающее состояние «боевого безумия», в котором пребывают герои скандинавского эпоса берсерки. Как отмечает Ю. М. Лотман, берсерк «в сражении... уподобляется зверю, сбрасывая с себя все ограничения человеческого поведения» [Лотман 1992: 67].

Отметим, что для поведения более позднего героя рун — Куллерво характерен сходный с героями былин стереотип поведения в бою: «На войну он шел, играя, он в сражение шел с криком, на пожогах он буянил...» «по борам он куролесил» «он в сражение шел с криком» [Евсеев 1994: 294]. Его образ приобретает черты богатыря.

Таким образом, поведение и эмоциональные характеристики былинных богатырей вполне укладываются в стереотип маскулинности в традиционном обществе. Проявления гнева, ярости – нормативное поведение для некоторых ситуаций, например, в бою. Гнев богатыря связан с агрессией; он вызывает агрессивные действия – битву с врагами или другими антагонистами. Как правило, богатырская сила направлена на причинение вреда врагам отечества. Гнев богатыря нередко сопровождается выражением презрения, ненависти к противнику, нередко это выражается в словесной перепалке с ним. Проявление таких эмоций не противоречит традиционной мужской роли.

О народных представлениях об эмоции гнев прежде всего свидетельствует этимология этого слова: гнев родственно «гнить», также существует мнение, что слово «гнев» восходит к «гнетить» – «зажигать, раздувать»; т. е. слово «гнев» связано с представлениями о разрушении, а также об огне. Следует отметить, что в некоторых диалектах слово «жар» обозначает жизненную и физическую силу, т. е. гнев связан с представлениями о силе.

В отличие от Еукахайнена, который после того как Вяйнямейнен погрузил его в болото, испугался и запросил у него пощады, русские богатыри не испытывают страха. Еукахайнен предлагает Вяйнямейнену взамен за освобождение разные блага, но тот соглашается только взять его сестру. Еукахайнен в печали возвращается домой, он скрывает глаза и опускает голову – это соматические проявления эмоции печали: «Шлем свой на глаза надвинул, голову склонил печально» [Евсеев 1994: 79], «Скривив рот в большой печали, губы опустив в обиду, шел он к ней, свой нос повесив» [Евсеев 1994: 89]. Эта эпическая формула выражает внутреннее состояние героя – печаль, обиду, стыд. Эти чувства герой испытывает потому, что проиграл спор с Вяйнямейненом, оказался слабее его в магической силе, и, кроме того, обещал ему в жены сестру. Мать советует ему не печалиться, поскольку она рада предполагаемому зятю – Вяйнямейнену.

Еукахайнен (Лямминкяйнен) возвращается домой печальным еще в одной руне – о состязании на пиру, где он убивает соперника: «Голову склонил в уныньи, хмуро шлем на лоб надвинул, он пришел домой угрюмый» [Киуру 1985: 67]. Мать спрашивает его о причинах печали: «или чаркой обделили?... может, женщиной осмеян? Может, опозорил конь» [Киуру 1985: 67]. Герой отвечает: «Я о том горюю, плачу, что в бою убил героя» [Евсеев 1994: 247].

Эпическая формула рун сходна с формулой русских былин и сказок, выражающей внутреннее состояние героя: так, опечален былинный герой Добрыня, который отпустил змея и которого князь отправляет на битву с ним: «Повесил-то Добрыня буйну голову, утопил-то очи во дубовый пол» [Гильфердинг 1983: 85]. Ср.: формула русских волшебных сказок: «Что, Иванушка, не весел, буйну голову повесил».

И в былине мать расспрашивает Добрыню о том, кто или что явилось причиной его печали:

Что же ты, Добрыня, не весел пришел?
Место ли в пиру да не по разуму,
Али чарой ли тебя в пиру да обнесли...
Красные девицы не обсмеялисе.
[Гильфердинг 1983: 85]

Причиной печали и обиды могут явиться насмешки женщин и не оказание уважения, в былинах также — в соответствии с отраженной в них сословной иерархией — место за столом на пиру. Обида былинному богатырю наносится в том случае, когда его не будут «звать от обедни на почестный пир», «жаловать... бесцетной золотой казной». Таким образом, печаль и обида богатыря связаны с представлениями о чести. Отношения богатырей с князем — вассальные отношения, при которых честь воздается снизу вверх, причем «честь всегда связывается с актом обмена, требующим материального знака, с некоторой взаимностью социальных отношений, дающих право на уважение и общественную ценность» [Лотман 1990: 87].

В руне о поимке девушки-лосося нашли отражения представления о браке героя с женским персонажем тотемного характера. Эта мифологема перестала быть понятной, и герой не смог удержать пойманную рыбу [Криничная 1986]. Объяснение в руне следующее — Вайнямейнен слишком стар. Рыба смеется над незадачливым героем:

Ох, старик ты жалкий, дряхлый,
Удержать не догадался,
Дочь единственную Ахти,
Деву Велламо-русалку,
Ведь к тебе-то не пришла я,
Чтоб ты лососем разрезал...
[Евсеев 1994: 99]

Героиня упрекает Вяйнямейнена в отсутствии интуиции и эмоций: «Разум хоть тебе и дали, но лишен, старик, ты сердца» [Евсеев 1994: 99]. Вяйнямейнен огорчен неудачей («голову склонил печально»), он грустит не о конкретной любимой, а о невесте вообще и о своей невыполненной общественной миссии – продолжении рода.

В русской былине «Ставр Гоудинович» герой испытывает иные чувства к невесте, сохраняющей признаки животного. Исследователи былин о сватовстве пришли к выводу о том, что эпическим песням героического типа чужда идея женитьбы героя, в то время как в архаическом эпосе герой, отправляясь за женой, действует в интересах семьи и рода (В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов). В былине Киевского цикла о Потыке сюжет борьбы за невесту превратился в сюжет о борьбе с женой-колдуньей, злобной, жестокой, коварной, вероломной [Пропп, Путилов 1958: 459]. Жена Потыка происходит из потустороннего мира, она обладает способностью превращаться в змею или в белую лебедь. Животные черты в облике женщины воспринимаются как нечистые, связанные с потусторонним миром. Они внушают герою страх и отвращение. Ненависть испытывает к герою и «далекая» невеста: она называет его «ненавистничек». Таким образом, герои былин, принадлежащие к разным мирам, испытывают друг к другу отрицательные эмоции.

После совершенного убийства на пиру Лямминкяйнен (Еукахайнен, Кавкомьели) скрывается на острове, где соблазняет множество девушек и женщин. Мужчины острова замышляют отомстить ему: «Не было мужчин в избушках, кто там меч свой не точил бы» [Евсеев 1994: 248]. Герой испытывает страх перед возмездием и покидает остров. Девушки плачут, узнав об его отъезде: «Не о парусе мы плачем, не о парусе горюем, плачем и о том скучаем, кто под парусом несется» [Евсеев 1994: 248]. По женщинам горюет и герой: «Не по острову я плачу, плачу я по девам милым» [Евсеев 1994: 249]. В этом мотиве об острове, населенном женщинами, нашли отражение представления об архаических формах брака. По мнению Э. С. Киуру, «приключения Лемминкяйнена на „острове невест“ – это гиперболизированное изображение рода, где все женщины, а точнее – определенный класс женщин, принадлежали ему по праву экзогамии» [Киуру 1988: 147]. Месть местных мужчин – поздний мотив. Рунопевцы рисуют Лемминкяйнена как любвеобильного привлекательного юношу. Он надеется эпитетом «веселый», одним из основных его качеств является соблазнение женщин. Смех, веселье связаны с генеративными пред-

ставлениями. Отметим, что этимологию имени Лемминкяйнена исследователи возводят к *lempi* – любовь, очарование, магическая сила любви [Лавонен 1988: 7]. В рунах все женщины острова испытывают любовь к Лемминкяйнену, как и он к ним. Так происходит переосмысление архаических брачных обычаев.

Герои рун и былин отнюдь не лишены индивидуальности. Поведение героев рун в значительной степени обусловлено этикой родового общества, вместе с тем они чувствуют и действуют как самостоятельные индивиды, которые должны полагаться на собственные силы.

Герои былин связаны социальными ограничениями сословно-иерархического строя и зарождающейся государственности, но и они предстают как живые личности, движимые страстями.

Внутренняя жизнь героев рун и былин изображается достаточно скупо, но это не свидетельствует об их эмоциональной бедности. Драматические ситуации, в которые вовлечены эпические герои, заставляют их действовать в соответствии с личными склонностями, которые, тем не менее, подчиняются нормам поведения и нравственным установкам их культуры.

Литература

Гильфердинг 1983 – Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Архангельск, 1983.

Евсеев 1994 – Евсеев В. Я. Карело-финский народный эпос. Кн. 2. М.: Восточная литература, 1994.

Криничная 1986 – Криничная Н. А. К семантике образа девы-лососа в карело-финском эпосе // «Калевала» – памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986.

Киуру 1988 – Киуру Э. С. Отражение архаических брачных обычаев в рунах о Лемминкяйнене // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988.

Киуру 1985 – Киуру Э. С. Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Пертуненов / Составители Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск: «Карелия», 1985.

Лавонен 1988 – Лавонен Н. А. «Калевала»: к 100-летию перевода на русский язык. Петрозаводск, 1988.

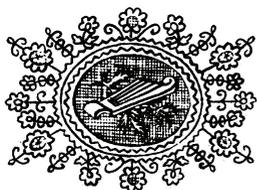
Ладвозерские рунопевцы: Руны, записанные от Архиппа и Мийхкали Пертуненов. Петрозаводск: «Карелия», Juminkeko.

Лотман 1990 – Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: «Гнозис», 1990.

Мелетинский 2004 – Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 2004.

Пропп, Путилов 1958 – Пропп В. Я., Путилов Б. Н. «Михайло Потык», комментарий к былине // Былины в двух томах. Т. 2. М., 1958.

Рыбников 1990 – Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск: «Карелия», 1990. Т. 2.

М. В. Станюкович
Санкт-Петербург

**Филиппинский эпос и связанные с ним
искусственные конструкции¹**

Знарок народной традиции, обладающий блестящим литературным талантом, может создать замечательное авторское произведение – Леннрот – «Калевалу», Лонгфелло – «Гаявату». Список можно продолжить, но длинным он не будет, поскольку создание такого шедевра, который вошел бы в фонд мировой культуры – редкостная удача. Его возникновению способствует возрождение национального сознания, потребность в творении истории – обычно в перedelке ее. Поговорим об искусственных конструкциях, основанных на эпосе: литературных обработках, реанимированных «народных традициях», целенаправленных фабрикациях, составных/унифицированных текстах. Филиппинский материал – благодатная почва для такого разговора. Богатство эпических традиций, непростая история и почти четыре столетия письменной фиксации эпики породили ряд подобных конструкций, поскольку по ряду причин для филиппинцев эпос – одна из основ национальной самоидентификации². Филиппины по сей день – заповедник живого сказительства. В про-

---

¹ Приношу благодарность американскому антропологическому фонду Wenner_Gren, финансировавшему мою полевую работу в Ифугао в январе–августе 1995 г., Азиатскому Отделению Летнего Института Лингвистики и МАЭ РАН за транспортные гранты для экспедиций на Филиппины в январе–апреле 2006 г. и феврале–марте 2008 г.

² Подробнее о проблеме самобытности на Филиппинах см. [Подберезский 1974, 1984]; о роли эпоса в ее разрешении [Станюкович 1986].